

Предисловие

«Книги имеют свою судьбу» — гласит известное латинское изречение. В древности также считали, что «свою судьбу» имеют рукописи-манускрипты и те, кто эти книги и манускрипты сочиняет, то есть писатели. На латыни как-то способнее и легче выражать вечные истины. Хоть затерты они от нескончаемого употребления, но суть их остается неопровержимой. Только у многих книг и их создателей слово «судьба» пишется с маленькой буквы, а у некоторых — с большой. В их ряду оказался Даниил Владимирович Фибих.

Его писательский путь был основателен, выстрадан и закономерен, но опубликованные книги его остались там, в том времени, в двадцатых–семидесятых годах прошлого века. Казалось, что Главная книга, о которой он мечтал всю свою жизнь и которая стала бы воплощением и исполнением его писательского призвания, не написана им. Но вдруг она, эта книга, начала проявляться, проступать своими очертаниями, рукописными строчками, порыжевшими чернилами, как будто постепенно материализуясь из какого-то иного измерения, другого мира.

Выяснилось это совсем недавно, буквально за последние год-два.

Но не будем забегать вперед.

Даниил Владимирович Фибих родился 5 апреля (по ст. ст.) 1899 года в городке Кола Калишской губернии, которая входила

тогда в Царство Польское, бывшее составной частью Российской империи. Его отец, Владимир Емельянович Фибих, титулярный советник, акцизный чиновник, потомок выходцев из Южной Богемии, вскоре вместе с семьей переехал в Нижний Ломов, уездный город Пензенской губернии. Тогдашние справочники сообщали, что утопавший в садах город был одним из лучших в губернии. У Фибихов была большая семья: кроме старшего Даниила, еще два брата и сестра. Владимир Емельянович уделял много времени воспитанию детей, поддерживал их разнообразные увлечения. Дочь Ксения хорошо рисовала и писала стихи, сын Аркадий музицировал, а Даниил, с раннего детства обладавший редкой наблюдательностью, записывал все происходившее вокруг и мечтал стать писателем.

Когда подошел гимназический возраст, родители Даниила решили, что ему нужно получать образование в Пензе. Так он стал учеником 1-й Пензенской мужской гимназии, снимая квартиру неподалеку у немецкого пастора. Постепенно вся семья Фибихов перебралась в Пензу. В гимназии Даниил провел десять лет. Вначале он посещал занятия наравне со своими сверстниками, а потом начал заниматься самообразованием и стал «экстерном». Причиной было, очевидно, его сильное заикание, мешавшее нормальному общению и обучению. Вероятно, это обстоятельство и подогрело его склонность к почти каждодневному писанию дневников, уединенному общению с книгами, неспешному обдумыванию прочитанного. «Я всюду таскаю за собой записную книжку, не потому, что подражаю этим великим писателям, а так как чувствую попросту потребность записывать все это» (*запись в дневнике от 23 ноября 1915 года*). Читал он много, беспорядочно, забывая обо всем на свете. Одинаковый жадный интерес перебрасывал его внимание от Льва Толстого к Оскару Уайльду, от Достоевского к Эрнсту Ренану или Ницше. «...Я представляю собой ходячую энциклопедию. Системы в моем развитии нет. Я знаю понемногу изо всего, и если бы я хотел, то легко мог пустить пыль в глаза и произвести впечатление человека все-сторонне образованного, но честолюбия во мне очень мало, и я,

откровенно говоря, совершенно к этому не стремлюсь...» (*запись в дневнике от 23 ноября 1915 года*).

Сквозь довольно стандартные и свойственные возрасту романтически возвышенные рассуждения в гимназических дневниках Фибиха пробиваются достаточно трезвые оценки своих личных качеств и способностей. Он постепенно учится разбираться в себе. И все больше в нем вызревает убеждение, что в будущем он будет только и исключительно — писателем. «Да, я мечтаю о том, чтобы создать произведение, которое отразило бы в себе всю жизнь, все те мысли и чувства, которые я сейчас переживаю. Талант у меня есть, без сомнения. Но временами я сам себе кажусь слишком слабым для этого и сомневаюсь в том, хватит ли у меня сил и умения передать это все на бумаге в ярких образах. А если бы действительно передать!» (*запись в дневнике от 23 ноября 1915 года*). Еще в przygotowительном классе Фибих сочинял приключенческие романы, некую повесть Ната Пинкертона с Майн Ридом. У читателей-одноклассников они пользовались успехом.

К гимназическим учителям Фибих относился с юношеским высокомерием. Разве можно было серьезно относиться к тому, что рассказывал в классе историк, если в руках уже успела побывать наполовину нелегальная, в дерзкой красной обложке книга «Рассказы из русской истории» революционера и публициста Л.Э. Шишко? Там была, как полагал Даниил, подлинная правда о прошлых временах, которую от гимназистов тщательно скрывали: о восстании на Сенатской площади, о героях-народовольцах, о том, как был убит Александр II...

С социалистическими идеями Фибиха познакомил гимназист-старшеклассник Евгений Шадрин: «Он был для меня первым другом, отцом и учителем в одно и то же время. К своим родителям я не относился с таким благоговением, как к нему, гимназисту старшего класса, к нему, каждое слово которого я считал святыней. Он первый развил мой кругозор, открыл передо мною новые горизонты. В примитивной форме он первый познакомил меня с идеалами социализма, и я, тринадцатилетний мальчик, уверовал в это сначала потому, что так говорил сам

Женя. ...Сколько удовольствия доставляли мне небольшие прогулки после наших занятий (он сначала был моим репетитором), во время которых мы обсуждали мировые вопросы, он, высокий, тонкий, в очках, с лицом ученого и я, гимназист 2-го класса! А когда он приводил меня к себе, в тихую, беспорядочную, чисто студенческую комнату, где обыкновенно уже сидели товарищи, то это для меня было верхом счастья!» (*запись в дневнике от 19 декабря 1916 года*). Развитого и начитанного юношу Шадрин ввел в организованный им подпольный кружок политического самообразования, в составе которого были в основном гимназисты старших классов: «Я пил там жидкий чай, иногда играл с Женей в шахматы, причем он всегда обыгрывал меня, и затем, забившись в угол, молча, почти с благоговением следил за ним и его товарищами. Раз он вслух прочел им написанный мною тогда рассказ «Митька». Я описывал бедного сапожного подмастерья, который под влиянием жестокого обращения хозяина бросается в воду. Вероятно, рассказ был сравнительно недурен, если сам Женя одобрил его. Теперь он погиб в архивах сысского отделения, куда он попал, когда арестовали Женю» (*запись в дневнике от 19 декабря 1916 года*).

Несмотря на довольно безобидную деятельность кружка, членов его арестовали, судили за подготовку к ниспровержению существующего строя и сослали. Фибих тогда остался на свободе случайно.

Однако через два года он снова активный участник похожего нелегального кружка учащихся, восторженно принявших Февральскую революцию и отречение царя. В первые же дни революции кружок, как ни странно, распался. Совершенно неожиданно в нем обнаружили сторонники самых различных партий: и большевики, и меньшевики, и эсеры, и даже кадеты.

В 1917 году Даниил испытал необыкновенное счастье впервые увидеть написанные им строки напечатанными. Журнал «Наша мысль», орган Комитета учащихся города Пензы, опубликовал его этюд в прозе «Ночью» — нечто революционно-символическое. Редактором журнала и первым наставником Фибиха

в литературе был Марк Чарный, впоследствии известный литературовед, а в то время учащийся 2-й Пензенской гимназии.

В 1919 году Фибих сделался постоянным сотрудником пензенской газеты «Красное знамя». Отныне навсегда определился его жизненный путь: журналистика, а в дальнейшем — литература.

В 1921 году Фибих навсегда расстался с Пензой, уехав в Москву, где сразу же поступил на работу в «Известия ВЦИК».

1920-е годы были для начинающего писателя и журналиста достаточно плодотворными. Вскоре Фибих уходит из «Известий» и становится «свободным литератором». Можно предположить, что и в это время Даниил Владимирович не оставлял своего любимого занятия — писания дневников. К «тасканию с собой записных книжек» были все предпосылки: Фибих ездит по стране, собирает материал о социалистическом строительстве, индустриализации, о том, как приходит «новая жизнь» в «страну гор» (так назывался его очерк о Дагестане), публикуется в журналах «Знамя», «Октябрь» и «Новый мир». Помимо очерков и репортажей в центральных газетах, он печатает повесть «Святыни» (1926), сборник рассказов «Апельсиновые гетры» (1927). Пробует он себя и в драматургии. Его пьеса «Поворот» идет на сцене МХАТа и театра Вахтангова (1930).

В 1931 году в свет выходит первая значительная вещь Фибиха — роман «Угар». Его перепечатало берлинское издательство «Петрополис». Книгу заметили и в Париже. Один из лучших критиков русской эмиграции Георгий Адамович, который вел литературные обзоры в милюковских «Последних новостях» (см. *«Последние новости». 1931/8 января*), посвятил ей отдельную небольшую рецензию. Любопытно привести ее текст полностью: «“Угар” — если не ошибаюсь, первый роман молодого московского беллетриста Даниила Фибиха. Вместе с несомненными литературными способностями начинающий автор обнаружил в этом романе и менее несомненную «ловкость рук».

Дело в том, что в «Угаре», собственно говоря, два романа. Один — очень бойкий, занимательный, картинный, с палетом

уголовщины и множеством эффектных подробностей, другой — казенно-добродетельный, условный, схематический, пужный, по-видимому, только для прикрытия и оправдания основного повествования.

Старый рабочий Чагин, выдвинутый революцией на ответственный пост, строит новую, необходимую для советской промышленности прядильную фабрику. На пути своем этот стойкий и честнейший коммунист встречает множество препятствий. Ему мешают сослуживцы, его заподозревают даже в злоупотреблениях. Но правда побеждает. Ревизия не обнаружила в делах Чагина ничего противозаконного. Врагов его снимают с работы. Фабрика достроена. В день ее открытия Чагин вполне счастлив и забывает даже все свои домашние огорчения. «Все это было посторонним, не настоящим, не его», — замечает автор. На этом бодром аккорде «Угар» оканчивается.

А огорчаться тов. Чагину есть из-за чего... Но тут нам придется коснуться второго романа, включенного в «Угар». У Чагина есть молодая жена, Нина Павловна, «обезьянка», как он ее зовет. Обезьянка с Чагиным скучает. «Он такой... спокойный... — объясняет она подруге. — Придет домой поздно, усталый, голодный. Поужинает и сразу спать. Как мне иногда недостает... понимаете?» На беду или на счастье, к Чагину возвращается его сын, которого он считал давно убитым. Сергей — странный молодой человек, молчаливый, скрытный, но «обезьянке» он кажется неотразимым. Повторяется история Федры с Ипполитом с той разницей, что Ипполит в «Угаре» весьма благосклонен к своей мачехе. Чагин застаёт любовников в объятиях. По случайности тут же выясняется, что Сергей — бывший налетчик, громила, его приходят арестовать. Сергей убегает, и Чагин на лестнице стреляет в него, не то как в преступника — из гражданской сознательности, не то как в соблазнителя «обезьянки» — из ревности.

Именно все эти весьма неприятные происшествия и пытается позабыть Чагин во время торжественного открытия фабрики, что ему и удается. «Чувства должны быть уничтожены», — мог бы он повторить вслед за героем Пильняка.

«Угар», вероятно, будет иметь успех у так называемого «среднего» или «рядового» читателя. Книга написана очень живо, местами очень правдиво. Кстати, как и у Пильняка, название может ввести простодушных людей в заблуждение. «Угар» — следует понимать у Фибиха в «производственном значении»: оказывается, это слово обозначает отбросы хлопка».

В 1938 году Фибих становится членом Союза советских писателей. В предвоенные годы у него выходит роман «Родная земля», о германской интервенции 1918 года. С успехом шла на московской сцене пьеса «Снега Финляндии».

Его жизнь, в общем, удалась: он много работает, обдумывает новые произведения, полон творческих планов и надежд. То, о чем он мечтал в гимназические годы, кажется, сбылось...

В начале Великой Отечественной войны 42-летний Фибих в числе других просится на фронт. Но его не берут в действующую армию: он не годен по здоровью — плохое зрение. Тогда он становится добровольцем. Мобилизованных писателей влили в 8-ю Краснопресненскую ополченскую дивизию, которая была брошена под Ельню и почти вся полегла там. Фибиху «повезло»: в пути его скрутил приступ малярии, который врачи приняли за тиф, и он срочно был отправлен назад, в Москву. А пока он болел, прошла паника первых дней войны, и писателей начали направлять на фронтовую работу по специальности. Так Фибих попал в армейскую газету «На разгром врага» Северо-Западного фронта.

Для сбора материала ему приходилось часто бывать на передовой линии фронта, в попеременно наступавших и отступавших частях в самые тяжелые дни 1941–1943 годов. Он был контужен, но все равно продолжил свою работу фронтового журналиста. Хотел побывать в партизанском отряде: подал рапорт начальству, получил согласие, но командировка сорвалась. Фибих был награжден медалью «За отвагу». В этот период им было написано немало рассказов и очерков на военную тему, публиковавшихся во фронтовой печати, а также в «Известиях». Но главной своей писательской целью он ставил создание книги о войне — мас-

штабного романа, в котором бы нашли выражение все его впечатления и наблюдения, чувства и мысли фронтовика, свидетеля и участника роковых и кровавых событий.

Поэтому привычное «таскание с собой записных книжек» продолжилось — на передовой, в землянках, под бомбежкой, в тыловом затишье — везде вел Фибих свои дневники. Писал, как правило, ночью, фиксируя только что виденное и пережитое: «Пишу эти строки в деревне Мир-Онеж (как будто так) Ленинградской области. Мы обосновались здесь на ночлег. Вечер, керосиновая лампа, большой стол, за которым, кроме меня, пишут еще трое. Тиканье больших, в деревянном ящике часов, явно городского вида» (*запись в дневнике от 7 февраля 1942 года*). Или вот такая, почти идиллическая обстановка: «Сейчас, когда я пишу, поздний вечер. Хозяева хаты и Рокотянский давно спят. В сенах чешется и шумно вздыхает корова. Дремотно чирикают — совсем по-диккенсовски — сверчки за печкой, испуганно притихая на несколько минут, когда дом дрожит и звякает стеклами от глухих далеких ударов. Немцы бомбят Касторную» (*запись в дневнике от 17 мая 1943 года*). Он записывал все, что происходило вокруг: фронтовые успехи и неудачи, быт и настроения в армии, судьбы и нравы людей, занятых непосильным солдатским трудом, а также все то трогательное, горькое, страшное и трагическое, чем всегда изобилует война. Неизвестно, представлял ли в эти минуты майор интендантской службы Фибих, что за ведение таких личных и сверхоткровенных дневников ему грозят очень крупные неприятности. Может, и знал, и думается, если бы мог предвидеть свою дальнейшую судьбу, то все равно не отказался бы от любимого занятия. Потому что был писателем не по названию, а по призванию...

Война явилась для Фибиха, как, наверное, и для большинства советских людей, переломом и очищением. Переломом в их судьбах. Очищением от многих иллюзий и навязанных пропагандой взглядов и представлений. Только у Фибиха все эти внутренние, интеллектуальные и эмоциональные, процессы протекали более отчетливо, глубоко, осознанно и значимо. Его революци-

онно-романтические идеи о «светлом будущем», видимо, испарились еще в тридцатые годы. Но и до и во время войны Фибих искренне считал себя «сталинцем». Так он не колеблясь именовал себя и на допросах после своего ареста. Сталин олицетворял для него волевое и разумное начало страны, твердую, хотя и жестокую волю: «Я смотрел на его слегка обрюзглое непоколебимо-спокойное, холодное лицо с черными, строгими и пронизательными глазами. Ни тени волнения. Ни малейшего намека на то, что всего в нескольких десятках километров отсюда разъяренная гитлеровская армия изо всех сил рвется в Москву. Что за нечеловеческая выдержка, спокойствие и уверенность! Гигант» (*запись в дневнике от 2 февраля 1942 года*).

Но в то же время приходит понимание другой, подноготной реальности: «Что осталось от большевистской доктрины? Рожки да ножки. Мне кажется, что партия, выполнив историческую роль, теперь должна сойти со сцены. И сходит уже. Мавр сделал свое дело. Война ведется во имя общенациональной, русской, а не партийной идеи. Армия сражается за родину, за Россию, а не за коммунизм. Вождь и народ, Сталин и Россия. Вот что мы видим. Коммунисты — всего-навсего организующее начало. Стоит ли вступать в партию?» (*запись в дневнике от 23 января 1942 года*).

Читая фронтовые дневники Фибиха, обращаешь внимание на значимый факт: в тексте почти не встречается упоминание СССР, слово «советский» используется в качестве некоего прилагательного, а не значимого слова. Везде весомо — Родина, Россия. Впечатления от окружающего в окопах и в тылу приводят к трезвым оценкам: «Наши победы, наше двухлетнее сопротивление фашистской Европе — заслуга не армии как таковой, а героической России, простого русского человека, решившего умереть за Родину. И умирающего сотнями тысяч, безропотно и буднично» (*запись в дневнике от 12 апреля 1942 года*).

Фибих видит и перспективы войны, ее конечный результат — победу, но помнит и жалеет о цене, выраженной не в золотовалютных единицах: «Наши бодрячки с многозначительным

видом все еще говорят о каких-то решающих операциях в скором времени, о выходе в Прибалтику. Оптимизм до обалдения. Предстоит война на измор — длинная, затяжная, тяжелая. «Выдюжим», — писал А. Толстой. Выдюжить-то выдюжим, Россия всегда была двужильной, но какой ценой» (*запись в дневнике от 4 октября 1942 года*).

«Двужильная Россия» — образ-символ, данный военным корреспондентом Фибихом, сфокусировал суть той правды, которую он добыл на фронте.

30 мая 1943 года майор Фибих получил предписание: немедленно явиться в штаб округа, помещавшийся в селе Новая Усмань, где его примет член Военного совета генерал-лейтенант Л.З. Мехлис. Фибих надеялся на лучшее. «Я ничего не понимал. Сам Мехлис, перед которым все трепетало, Мехлис, в дни отступления 1941 года расстрелявший командующего 34-й армией, — интересовался моим приездом, он желал лично со мной беседовать. В Рыкань я поеду уже после знакомства с членом Военного совета округа — как триумфатор, как почетный гость» (*запись в дневнике от 30 мая 1943 года*). Но не триумф ожидал военного корреспондента Фибиха: через несколько дней по доносу, написанному его коллегой-журналистом, он был арестован прямо в кабинете Мехлиса. Так начались его тюремные и гулаговские «хождения по мукам».

Сначала это была самодельная камера контрразведки СМЕРШ при штабе Степного округа под Воронежем, потом камера гарнизонной тюрьмы в Белгороде. Затем Лефортовская и Бутырская тюрьмы в Москве. Как написал потом Фибих в своих воспоминаниях «По ту сторону», «конвейер тупой, бездушной, свирепой карательной машины, куда я попал, тащил дальше и дальше».

Фибиху «шили» дело по знаменитой 58-й статье. Позднее он кратко сформулировал суть этого «дела»: «Все дело было в одной лишь фразе в моем дневнике, злополучной, крамольной, криминальной фразе о том, что Троцкий, вместе с Луначарским и Кировым, был хорошим оратором. Примитивная

следовательская фантазия под нажимом Мехлиса мгновенно создала несложную стандартно-профессиональную концепцию. Ага, троцкист! (Одобрительно отзывается о Троцком.) Несомненно, связан с какой-то подпольной троцкистской организацией, которая, оказывается, работает в действующей армии. Задача: раскрыть через Фибиха эту организацию» («По ту сторону»).

Смехотворность предъявленных обвинений не интересовала следователей: карательная машина не интересовалась сутью, ей требовались все новые и новые жертвы. Шесть месяцев шло следствие. Фибиха пытались «расколоть» на то, чтобы он признался в участии в троцкистской террористической организации. Только его стойкость, сообразительность и внутренняя интуиция не позволили следователям состряпать коллективное дело о троцкистской организации, по которому он мог вполне реально получить «вышку». И вот — приговор. Будничность его вынесения поражает больше, нежели описания сцен допросов и лагерной житухи. Фибиха «привели в небольшую служебного вида комнату. За столом сидел молодой человек в простой солдатской гимнастерке без погон.

— Прочтите и распишитесь, — равнодушным будничным голосом сказал он, подавая мне четвертушку листа с текстом, отпечатанным под копирку на машинке. Я пробежал глазами и узнал, что майор интендантской службы имярек постановлением ОСО при МВД СССР такого-то числа приговаривается по статье 58-10 УПК к десяти годам заключения в ИТЛ.

— Вот здесь! — ткнул пальцем молодой человек. Я расписался почти машинально, и меня повели обратно...» («По ту сторону»).

Отбывал срок зэк Фибих в Карлаге, на территории Карагандинской области Казахстана. Об этом периоде его жизни подробно повествуют воспоминания «По ту сторону».

Как отразились десять лет пребывания в ГУЛАГе на личности и мировоззрении Фибиха? В его записках нет пространных рассуждений на эту тему. Но есть иное: пристальное внимание

к человеческим взаимоотношениям, к облику окружавших его людей, к их душе, к таким вечным понятиям, как низость и доброта, жестокость и милосердие. Поэтому такое место в повествовании «По ту сторону» занимают описания многих из тех, с кем пришлось ему отбывать карлаговский срок. И — вывод-размышление: «Люди пробивали себе дорогу локтями и кулаками, давили и душили друг друга. «Подохни сегодня ты, а завтра я», — таков был лагерный лозунг. Слезала шелуха цивилизации, и человек предстал в натуральном неприкрашенном виде — голый человек на голой земле, недалеко ушедший от своего пещерного предка. Долгое время после освобождения, вернувшись в нормальный мир и наблюдая за кем-нибудь на собрании, на званом вечере или в театре — за кем-нибудь почтенного вида, хорошо одетым, прилизанным, улыбающимся, ведущим культурный разговор — не мог я отделаться от назойливой мысли: а как бы проявил ты себя в лагере? Как бы там выглядел? Что бы делал?..» Но это была не вся правда. Являлось и другое: «Великое дело доброта человеческая. По настоящему понял я это только в тюрьме и лагере...»

Освободился Фибих в 1953 году, полностью «отмотав» положенный ему срок. Поскольку он был осужден по «политической» статье и не мог жить не только в Москве и Ленинграде, но даже в областных городах, выбрал он себе местом пребывания город Покров Владимирской области. Там он устроился на работу в правление совхоза счетоводом. Потом, в 1955–1956 годах, он проживал под Клином, работая в правлении местного совхоза и влача полуголодное существование. Фибих постоянно хлопотал о снятии судимости, о реабилитации, чтобы ему вернули право воссоединиться с семьей в Москве. К тому времени со своей второй женой он был уже разведен, а его матери, Евгении Ниловны (урожденной Лучаниновой), не было в живых; остались у Фибиха только два брата. В 1957 году ему разрешили временно проживать в Москве. В 1960 году он опять женился, получил реабилитацию и был восстановлен в членстве ССП СССР.

В послелашерное время Фибих не оставил своей литературной профессии. В 1953–1956 годах публиковал очерки в подмосковных газетах. В 1956 году вышел сборник рассказов «Когда поет небо». Им были созданы романы «Испытание» и «Ветер с Востока» о Чингиз-хане (не изданы). Писал он и на военную тему (повесть «В снегах Подмосковья», 1963). Издан и переиздан роман «Судьба генерала Джона Турчина», о русском военачальнике, ставшем героем американской истории. В 1974 году был готов к печати роман-хроника «Путь его сердца», но он так и не вышел в свет. Кажется, что жизнь Фибиха вошла в спокойное русло. Но это лишь для постороннего глаза. Втайне от всех, даже самых близких людей, он пишет воспоминания «По ту сторону». В нем живет не умирая все тот же человек «с записной книжкой». Он хочет оставить неведомым потомкам свидетельства о том, что с ним произошло, рассказать о подлинном опыте жизни в ГУЛАГе, о людях, с кем столкнула его судьба. Фибих знает, что уже есть произведения на лагерную тему, такие как «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Но не вся правда рассказана, не вся... И он, работая «в стол», не оглядываясь ни на какую цензуру, восстановит в памяти и закрепит на бумаге все! Все, что сохранила его цепкая и емкая память, все, что он понял, к чему пришел, оценивая пережитое своим тяжелым выстраданным опытом.

Скончался Даниил Владимирович Фибих в Москве в июле 1975 года.

Зимой 1943 года в блиндаже, а может, в крестьянской избе недалеко от линии фронта записывал военкор Фибих в свою черную клеенчатую тетрадь строки: «Когда настанет мир — никто не захочет читать о войне. Интерес к нынешней войне вспыхнет спустя несколько лет. Вот к этому-то времени должен быть готов мой большой роман. Героями его будут герои «Родной земли» и «Снегов Финляндии». Хочется написать такую книгу, которая бы пережила меня, явилась бы итогом целой жизни. Пора подумать об этом. Ведь мне уже пятый десяток пошел» (*запись в днев-*

нике от 10 января 1943 года). С гимназических лет он мечтал не просто стать писателем, а создать нечто такое, что осталось бы после него, к чему обращались бы люди и после его смерти, читая и перечитывая созданные им строки. Словом, он хотел создать свою *Главную книгу*. Что ж, писателю Даниилу Фибиху это удалось. Эта книга перед вами.

*Мария Дремач,
Алексей Савельев*

ЧАСТЬ I

**ЗАПИСКИ
ГИМНАЗИСТА**

ДНЕВНИКИ 1915–1917 ГГ.

Гимназические дневники Д.В. Фибиха представляют интерес как документ начала XX столетия, как летопись дореволюционной Пензы и настроений русского провинциального общества накануне и во время революционных потрясений 1917 года.

Д.В. Фибих начал вести регулярные дневниковые записи с 15-летнего возраста. В них отражались не только размышления, чувства и мнения подростка и юноши, выбиравшего свой жизненный путь, вырабатывавшего свое мировоззрение, но содержатся и картины гимназического быта, взаимоотношений в молодежной среде. Дневники дают много интересного материала о распространении революционной идеологии и радикальных настроений в Пензе, позволяют судить об отношении к войне со стороны многих общественных групп.

Особую ценность представляют записи, относящиеся к марту 1917 года, когда Пензу взбаламутили известия о революции в столичном Петрограде. Такой эффект присутствия и участия в важнейших событиях не часто можно встретить даже в авторитетных исторических источниках. Д.В. Фибих делал записи в своем дневнике почти ежедневно, фиксируя главные события городской жизни Пензы. В этом отношении незаменима информация о солдатском бунте, который случился в Пензе 6 марта (по ст. ст.)

во время общегородской манифестации. В ходе беспорядков солдатами был растерзан командующий гарнизоном генерал-майор Бем. Д.В. Фибих был фактически свидетелем этой сцены. Это дневниковое свидетельство позволяет существенно уточнить хронологию и порядок событий. Дело в том, что пензенские историки считают: Бем был убит 10 марта на параде войск в честь праздника Свободы.

Текст дневников публикуется по рукописям, хранящимся в Государственном архиве Пензенской области (фонд Р-2397, опись 1, д. 6—7, 17), в соответствии с современной орфографией и пунктуацией. Описки и явные неточности текста исправлены без оговорок.